Мы думали, что монстры придут из космоса

РОМАН

Aleksey Franzhev

Aleksey Franzhev

Мы думали, что монстры придут из космоса

https://litres.ru/74784448
SelfPub; 2026

Аннотация

Мы всю жизнь смотрели на звёзды и боялись, что однажды оттуда придут монстры. Но что, если мы искали их не там?

Элиан — путешественник из далёкого будущего. Оказавшись в XXI веке, он сталкивается с пугающим противоречием человеческой природы: люди способны любить, спасать и создавать прекрасное, но одновременно умеют унижать, предавать и уничтожать друг друга.

Встреча с мальчиком, ставшим жертвой жестокости, становится началом истории, которая выходит далеко за пределы одной человеческой судьбы.

Другие цивилизации пытаются понять человечество. Но смогут ли сами люди ответить на главный вопрос: кто мы на самом деле?

Научно-фантастический роман о добре и зле, одиночестве, сострадании и смысле человеческого существования.

Возможно, самые страшные монстры никогда не прилетали из космоса.

Aleksey Franzhev
Мы думали, что монстры придут из космоса

МЫ ДУМАЛИ, ЧТО МОНСТРЫ

ПРИДУТ ИЗ КОСМОСА

Научно-фантастический роман

Aleksey Franzhev

Кто мы, люди, на самом деле? О самом важном

Содержание

Пролог. Под дождём
1. Два года
2. Письмо
3. Человек в окне
4. Что видят дети
5. Миллион зрителей
6. Спокойное лицо
7. Человек без страны
8. Другие дети Вселенной
9. 08:12
10. Голос в зеркале
11. Когда никто не смотрит

12. Не заканчивайте за меня
13. Третье путешествие
14. Цена спокойствия
15. Тот, кого нельзя бросить
16. Завтра в пять
17. То, что останется
18. Возвращение
Эпилог. Последний урок

ПРОЛОГ

Под дождём

Земля. 20 апреля 2026 года.

Даниэль заметил их у ворот и свернул к другому выходу. Слишком рано: Макс уже поднял руку, будто приветствовал старого приятеля.

— Сюда иди. У нас вопрос.

До остановки оставалось двести шагов. Если бежать, Макс догонит; если не бежать, потом скажет, что Даниэль сам остался поговорить. Даниэль остановился у ограды. За ней, в школьном дворе, кто-то катал мяч. Мокрая сетка не шелохнулась.

— Покажешь, что там? — Макс кивнул на рюкзак.

— Учебники.

— Так покажи.

У Макса на рукаве темнело пятно дождя. Даниэль смотрел на это пятно, пока другой мальчик доставал телефон. Снача-

ла всегда находилась мелочь, на которую можно было смотреть: шнурок, скол на перилах, чья-нибудь молния. В чужие лица лучше было не заглядывать.

В рюкзаке лежала разобранная маленькая плата. Учитель разрешил забрать её из старого школьного компьютера. Даниэль успел придумать, что сделает дома, и теперь ненавидел себя за то, что принёс её с собой.

— Макс, завязывай, — сказал мальчик с телефоном.

Камеру он не опустил. Даниэль перехватил ремни обеими руками. Макс шагнул ближе. По тротуару прошла женщина с продуктами; на мгновение замедлилась, посмотрела на них. Даниэль успел подумать: сейчас. Женщина пошла дальше.

— Извините.

Незнакомый мужчина стоял совсем рядом. Без зонта, в незастёгнутой куртке; волосы у висков намокли. У него было растерянное лицо человека, который оказался не там, где ожидал.

— У вас возник конфликт?

Макс повернулся к телефону и улыбнулся.

— Да нет. Общаемся.

Мужчина посмотрел на Даниэля. Тот быстро отвёл глаза. Не надо было вмешиваться вот так, спрашивая при всех. Теперь Макс придумает новое слово, которое они станут повторять.

— Он хочет уйти, — сказал мужчина.

— А ты кто, учитель?

— Нет.

— Ну и иди.

Незнакомец не двинулся. Дождь попадал ему на лицо, а он, кажется, даже не замечал.

— Мы просто шутим, — добавил Макс.

— Тогда спросите, хочет ли он остаться.

— Он всегда такой. Обижается.

Мужчина сдвинулся чуть в сторону. Между ним и оградой открылся проход, но Даниэль не решился им воспользоваться. Один раз его уже так пропускали. Все потом смеялись, когда он упал.

— Я не спрашиваю, какой он, — произнёс незнакомец. — Я спрашиваю, можно ли ему уйти.

Макс качнулся вперёд. Мужчина слишком поздно поднял ладонь, неловко, почти как школьник.

— Ты чего, боишься?

— Да.

В голосе не было ни вызова, ни шутки. Макс даже перестал улыбаться.

— Я не знаю, что ты сейчас сделаешь, — объяснил мужчина.

Женщина с продуктами вернулась. Пакет стукнулся о её колено.

— Я позову дежурного. Отойдите от мальчика.

Теперь камера была направлена в землю. Даниэль видел в её чёрном стекле серое небо.

— Да пусть идёт, — сказал Макс.

Он отступил. Даниэль всё ещё ждал. Незнакомец повернулся к нему, не прикасаясь.

— Пойдём?

Даниэль кивнул и первым шагнул в проход. Никто не подставил ногу. Они обогнули угол школы; только здесь он перестал слышать, что говорили у ворот. Пальцы разжимались с трудом. На влажной коже отпечаталась лямка.

— Эй, спасатель! — крикнули сзади.

Мужчина хотел оглянуться. Даниэль потянул его за рукав.

— Не надо.

Тот послушался сразу. Не стал доказывать, что не боится. Не пошёл обратно говорить правильные слова. Просто остался рядом и прибавил шагу. У перехода Даниэль остановился: горел красный. Мужчина заглянул ему в лицо, но ничего не спросил. Из-под расстёгнутого манжета у него выскользнул тонкий тёмный предмет. На стекле вспыхнула строка незнакомых знаков.

Даниэль успел прочесть только цифры: 20.04.2026. Мужчина прикрыл экран ладонью так поспешно, будто дата была тайной.

— У вас телефон сломался? — спросил Даниэль.

— Нет. Кажется, я не туда смотрел.

Загорелся зелёный. На другой стороне улицы был парк, а дальше — остановка. Сегодня до неё можно было дойти.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Два года

Земля. 20 апреля 2026 года.

Они молчали до парка. Даниэль шёл чуть впереди; незнакомец держался со стороны дороги. На мокрых ветках собирались капли. У первой скамейки мальчик остановился, и мужчина тоже остановился — словно боялся пройти дальше, чем его готовы пустить.

— Как тебя зовут? — спросил он наконец.

— Даниэль.

— Меня Элиан.

— Странное имя.

— Мне уже говорили.

Даниэль посмотрел на него.

— Ты откуда?

Элиан на мгновение замолчал. Он не мог назвать своё настоящее место рождения.

— Издалека.

— Из какой страны?

— Это сложно объяснить.

Даниэль пожал плечами.

— Ладно.

Даниэль присел на край скамейки. Рюкзак оставил на коленях.

— Спасибо.

Элиан хотел сказать, что благодарить не за что. Но маль-

чик ждал ответа, и он кивнул.

— Я рад, что ты теперь здесь.

Даниэль опустил взгляд.

— Обычно никто не вмешивается.

Элиан вспомнил прохожих.

— Я заметил.

— Учителя говорят, что нужно рассказывать взрослым. Но потом всё равно ничего толком не меняется.

— Ты рассказывал?

— Да.

— И что произошло?

— Они поговорили с ними. Потом стало ещё хуже.

Элиан сжал мокрый край рукава. Он уже собирался спросить, почему взрослые не выполнили собственных правил, и удержался: отвечать опять пришлось бы мальчику.

— Как давно это продолжается? — спросил Элиан.

Даниэль пожал плечами.

— Не знаю. Года два.

— Два года?

— Ну да.

Два года. Элиан представил двести таких возвращений домой, потом ещё двести. Одни и те же ворота. Рюкзак, который надо держать обеими руками.

— Ты помнишь, с чего это началось? — спросил Элиан. — Если не хочешь рассказывать, не надо.

Даниэль потёр мокрый ремень рюкзака.

— Да с чего угодно. Один раз не так ответил. Потом уже не важно.

Даниэль устало вздохнул.

— Слушай, ты прямо как маленький. Они просто такие.

Даниэль выжал воду из ремня. Капли упали между носками ботинок. Сказал «они просто такие» и стал ждать автобуса — не ответа.

— А ты думаешь, они всегда будут такими? — спросил Элиан.

Даниэль посмотрел на дорогу.

— Не знаю.

— А тебе когда-нибудь хотелось оказаться на их месте?

Даниэль посмотрел на него исподлобья.

— Иногда представлял, что они меня боятся. Что я прихожу, а они сами отходят.

— И что происходит потом?

— Ничего. Вот именно — ничего. Они меня больше не трогают.

Элиан не ответил. Даниэль говорил о том, чтобы они боялись, а лицо у него стало почти спокойным. Он уже видел такой день и мог пройти его мысленно до конца.

— Ты дойдёшь отсюда домой? — спросил Элиан.

— Да. Автобус сейчас будет.

— Я могу подождать.

Даниэль покачал головой, потом всё-таки сказал:

— До автобуса можно.

Когда двери закрылись, мальчик сел у окна и приподнял руку. Элиан помахал в ответ. Он ещё не знал фамилии Даниэля и не спросил её: впервые за день ему показалось важнее оставить что-то неузнанным.

* * *

Всего несколько часов назад над Элианом было другое небо. В его времени после первого контакта прошло четыре миллиона восемьсот тысяч лет. Земля сохранила океаны, но над ними давно не проходили привычные для двадцать первого века воздушные трассы. Города уступили место лесам и небольшим поселениям. Огромная прозрачная стена архива открывалась прямо на воду. Элиан любил работать здесь утром: на неподвижных исторических лицах дрожал отражённый свет.

Когда Элиан был маленьким, к архиву иногда подплывал дом. Он принадлежал женщине, изучавшей течения; она меняла место вместе с приборами, а её сын каждый раз сердился, что берег снова оказался с другой стороны окна. Элиан ждал их по утрам. Они перебирались по узкому переходу, который вырастал между дверями, и бежали смотреть на древние города.

В зале можно было развернуть целую улицу. Повернуть голову, когда над плечом пролетал самолёт. Увидеть тень человека, не сохранившего имени, и долго идти следом, прежде чем она свернёт за край уцелевшей записи. Однажды мальчики поспорили, кто он: торговец, учитель, вор. Ни од-

ной верной версии архив не содержал. Элиану тогда показалось чудовищным, что может остаться столько камня и света, а у одного человека не будет даже имени.

Рядом открывались другие залы. Там жили чужие ощущения: вид на звёзды из тела, для которого два человеческих шага длились целый сезон; холодное утро существа, узнававшего близких по изменению тяжести. Элиан однажды вернулся из такого зала и сутки ронял вещи. Собственные пальцы казались до смешного короткими. Мать смеялась, подавала ему чашку за ручку, и он любил её за то, что она не требовала немедленно рассказать, что нового он понял о Вселенной.

Его друзья выбирали разные занятия. Один собирал музыку из движения облаков над океаном. Другая отправилась выращивать лес там, где деревьям сначала пришлось учиться существовать без ветра. Элиан возвращался к незнакомцу на древней улице. Хотел не выдумать его жизнь, а однажды оказаться рядом, пока человек ещё мог обернуться.

Лира первой показала ему настоящую карту переходов. Не учебное изображение — рабочую. В пустой комнате открылись точки, между которыми не было понятного человеческому глазу расстояния. До одной можно было дотянуться, подняв руку; за ней существовало утро, отстоявшее от его рождения на миллионы лет. Он убрал ладонь, боясь заслонить его.

— Туда нельзя только посмотреть? — спросил он.

— Можно. Но потом всю жизнь будешь думать, что не спросил у человека, державшего дверь.

Она сказала это без торжественности, убирая чашки после занятия. Элиан до сих пор помнил, что у одной была трещина. Из всех невозможных вещей того дня именно чашка уцелела в памяти яснее всего.

Теперь у него было право открывать такие двери самому. Он добивался его гораздо дольше, чем занимался одной темой. В архиве оставались подготовленные маршруты, недописанные письма коллегам, обещание съездить с матерью к старому дому на плавучей отмели. Он уехал ненадолго. Так и сказал ей перед переходом.

В последние месяцы он изучал травлю. Умел распознавать её стадии, знал, как группа поощряет обидчика и почему молчание свидетеля принимают за согласие. Писал об этом точно и всё чаще откладывал написанное.

На одной записи мальчика не выпускали из школьного двора. Архивная подпись называла происходившее обычным конфликтом.

— Они слышат его, — сказал Элиан Лире. — Он просит дать ему пройти. Слышат, понимают и не отходят.

Наставница подвинула к себе описание. Дата, место, возраст участников. Причина завершения записи: кончилось место на носителе.

— Ты надеешься найти в записи то, что заставит их остановиться?

— Надеюсь понять, почему они не остановились.

— Может быть, для них это разные вопросы.

Он не сразу понял её. Лира ждала, пока он перечитает подпись.

В сообщениях других цивилизаций встречались ошибки, споры, несчастные случаи, отчаянные попытки защититься. Но Элиан не нашёл другой истории, в которой разумное существо понимало чужую беспомощность и намеренно продлевало её ради удовольствия. Он проверял переводы. Просил искать без слова «жестокость»: оно слишком многое соединяло. Ответы приходили от существ, видевших свет иначе, живших в другом темпе, узнававших близких по звуку или тяжести. Ни одного подтверждённого примера.

Это не было доказательством, что таких примеров нет во Вселенной. Пока он не сумел даже объяснить некоторым собеседникам, что именно ищет.

Один спросил: «Если опасность закончилась, почему тот, кто сильнее, не уходит?» Другой решил, что Элиан описывает борьбу за пищу. На третьем переводе слова «ему нравится, что другому плохо» снова превратились в «он получает необходимое».

Элиан вырос среди людей, для которых травля оставалась историческим знанием. Ему не приходилось ждать удара от собеседника. В старых изображениях первого контакта люди поднимали головы к небу и боялись того, что могло прийти оттуда. Существа, которым предстояло выйти навстречу,

ещё не знали, чего ждать от людей.

На записи у школьных ворот никто не был голоден. Никто не защищался. Прохода хватало всем.

Даже после месяцев исследований Элиан иногда ставил запись на паузу именно там, где человек прошлого сделал бы шаг назад.

— Я хочу отправиться туда, — сказал он.

Лира повернула к нему экран.

— Здесь нельзя поставить паузу.

Он помнил этот разговор целиком. В гостинице, отжимая манжету над раковиной, он повторил последние слова вслух и понял, что прежде слушал в них совсем другое предупреждение.

* * *

Устройство заняло ладонь. В нём были документы для принимающей эпохи, переводчик, доступ к экспедиционному счёту и обратный маршрут. Оно справилось с гостиничной стойкой лучше него: служащий отдал ключ, не задав лишнего вопроса. Номер выходил на парковку. Элиан долго не мог понять, зачем кровать занимала столько места, а потом лёг на неё прямо в куртке.

Он должен был наблюдать. Непосредственную помощь человеку правила разрешали; границу между помощью и изменением истории предлагали определять самому исследователю. Утром это казалось проявлением доверия. Теперь — вопросом, на который никто не пожелал отвечать заранее.

В холле гостиницы работал телевизор. Элиан спустился за водой и остановился перед экраном.

Корабль Аэри уже перестал быть единственной новостью. Его показывали теперь между прогнозом погоды и рекламой: серебристая складка над полем, люди за ограждением, полупрозрачная фигура на пандусе. Первый сигнал пришёл в 03:17. На расшифровку ушло три дня; на сорок первый появился корабль. Мужчина за стойкой знал это наизусть и всё равно прибавил звук.

Сеа стоял перед журналистами. Элиан узнал раннее тело, светлую полосу внутри груди. За миллионы лет этот силуэт стал таким же привычным, как очертания материков. Здесь одна женщина всё время смотрела на его руки, а не в то место, где ожидала увидеть лицо.

Спросили, зачем они прилетели.

— Вы ответили, — сказал Сеа.

В студии засмеялись. За стойкой тоже. Элиан улыбнулся, и вдруг на экране открылось другое окно: запись старой комедии. Герой сбрасывал связанного врага в воду. Люди на берегу аплодировали, пока тот барахтался. Ведущий объяснял пришельцу, что враг этого заслужил.

— Он больше не может им повредить? — переспросил Сеа.

— Уже нет. Поэтому и смешно.

Ответ задержался. Ведущий повернулся к камере, освобождая место для следующего вопроса, но пришелец ещё не

закончил предыдущий.

— Я понял, что он сделал раньше. Я не понял, чему они радуются сейчас.

Элиан опустил бутылку. Мужчина за стойкой пожал плечами:

— Они со временем разберутся. Мы тоже не всё сразу понимаем.

Внизу экрана приглашали жителей на открытые встречи с Аэри. В числе следующих событий значился разговор с детьми. На заставке нарисованный пришелец держал человеческого ребёнка за руку. Ребёнок улыбался; пришельцу художник приделал такую же улыбку.

Элиан достал купленный по дороге бумажный блокнот. У него в архиве хранились документы куда древнее этих улиц, но там бумагу не брали с собой под дождь. Здесь страницы немного покоробились, и это почему-то успокаивало.

Он написал: «Даниэль. Не хочет, чтобы его трогали». Посмотрел на строчку и не стал превращать её в определение. Внизу остановился автомобиль. Отец поднял на руки маленькую девочку, и она засмеялась так громко, что Элиан услышал через закрытое окно. Он вспомнил телефон у школьных ворот. Один и тот же звук можно было записать, измерить, сравнить. По самому звуку нельзя было понять, кому сейчас хорошо.

Устройство подало сигнал. На экране возникло предупреждение: «Зафиксировано несоответствие между архивной и

текущей линиями событий».

* * *

— Какое несоответствие?

Появился ответ:

ОБЪЕКТ: ДАНИЭЛЬ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ ИЗМЕНЕНА.

Элиан несколько секунд смотрел на сообщение. Он вмешался в школьную травлю. Помог мальчику уйти. Поговорил с ним. И этим изменил историю. Но система продолжила.

ВЕРОЯТНОСТЬ ВЛИЯНИЯ НА КЛЮЧЕВОЕ СОБЫТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ: НЕОПРЕДЕЛЁННА.

Элиан поднялся.

— Что означает «ключевое событие»?

Система не ответила. Вместо этого появилась фотография. На ней был взрослый мужчина. Элиан увеличил изображение. Серые глаза. Поседевшие виски. Знакомый наклон головы. Он узнал его. Это был Даниэль. Только значительно старше. Под фотографией находилась дата. 2089 год. Архивная дата относилась к портрету. Под ней стояла отдельная строка: «Основание проекта — 2041».

Метка происхождения указывала на его исходную линию. Под портретом стояла подпись:

ДАНИЭЛЬ. ОДИН ИЗ ОСНОВАТЕЛЕЙ ПРОЕКТА «ЗЕРКАЛО».

Элиан никогда не слышал об этом проекте. Что само по себе было странно. Он имел доступ практически ко всем со-

хранившимся историческим материалам.

— Открыть сведения о проекте «Зеркало».

ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.

— Указать причину.

ИНФОРМАЦИЯ ИЗЪЯТА ИЗ ОБЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА.

Ограничение было действующим, не следом утраченного файла. Кто- то отвечал на его запрос из того же времени, откуда он пришёл.

— Кто установил ограничение?

Система ответила:

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

На маленьком портрете взрослый Даниэль щурился от солнца. Почти вся обстановка осталась за краем изображения.

У самого края темнел чужой рукав. Элиан увеличил лицо, и рукав исчез. Элиан снова открыл правила маршрута. «Вмешательство может создать самостоятельную ветвь. Сведения исходной линии не гарантируют будущее новой». Следовательно, фотография не обещала мальчику ни жизни, ни открытия. У неё уже было прошлое. У него — ещё нет.

Элиан хотел отправить Лире вопрос, но остановился над пустой строкой. Почему запрет возник только сейчас? Почему справка о школьнике открылась прежде, чем он назвал устройству его фамилию?

Он проверил маршрут прибытия. Метка выхода находилась в тридцати шагах от школьных ворот. Координаты были выбраны до начала экспедиции.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Письмо

Земля. 13 октября 2041 года.

Даниэлю было тридцать лет, когда он впервые получил письмо от человека, которого не хотел вспоминать. Письмо пришло обычной электронной почтой. Тема состояла из одного слова.

«Извини».

Он долго не открывал его. Сидел перед экраном. Потом выключил компьютер. Встал. Налил воды. Вернулся. Письмо всё ещё находилось в списке непрочитанных. Даниэль смотрел на имя отправителя. Максим. Один из мальчиков, которые когда-то издевались над ним возле школы. Прошло пятнадцать лет. Даниэль давно окончил университет.

Стал исследователем. Создал собственную лабораторию. Работал над технологиями, способными помочь людям лучше понимать эмоции друг друга. Он больше не был испуганным подростком с рюкзаком. Но имя Максима неожиданно вернуло воспоминания, которые он считал давно забытыми. Даниэль открыл письмо.

«Привет, Даниэль.

Ты наверно не захочешь отвечать. Я бы не захотел. Я

несколько раз начинал это письмо и всё писал, какие мы тогда были маленькие. Стёр. Тебе тоже было пятнадцать.

Помню, как ты держал рюкзак. Я говорил, что мы шутим. Потом ещё долго так рассказывал, если вообще рассказывал. Говорил, что не думал о последствиях. Я правда о них не думал. Но видел, что ты боишься, и не прекращал.

Бывало, мы встречались вдвоём, и я делал вид, что не замечаю тебя. А если рядом кто-нибудь был, начинал сам. Помню, как оглядывался: засмеются или нет. Мне нравилось, что смеются. Это противнее всего писать.

Я не знаю, как написать, чтобы это не выглядело просьбой успокоить меня. Не нужно. И прощать не прошу. Я хотел, чтобы ты знал: теперь я называю это тем, чем оно было. Я издевался над тобой.

Прости, что пишу только сейчас». Даниэль открыл ответ. Написал: «Ты ведь слышал, что я просил прекратить». Посмотрел на строку, добавил вопросительный знак и стёр всё целиком. Внизу исходного письма мигала проверка правописания: Рот пропустил запятую. Даниэль вдруг рассердился на эту маленькую ошибку так сильно, словно и её теперь предстояло исправлять ему.

Он закрыл письмо. Ответа не получилось.

* * * Утром Мия нашла его за тем же столом. Письмо уже не было открыто, зато рядом стояла чашка с засохшей полосой кофе.

— Ты ночевал здесь? — Почти. Она опустила сумку на

свободный стул. На ремне болтался маленький деревянный карандаш; за последние пятнадцать лет Даниэль видел у неё десяток новых сумок и тот же карандаш.

— Прототип не заработает лучше, если ты будешь хуже спать. — Я не из-за прототипа. Мия перестала разбирать вещи. Подождала. Он повернул к ней экран. Она читала молча. Не спросила, что случилось с Максимом и почему он вдруг решил написать. Даниэль заранее приготовился к этим вопросам, и от их отсутствия ему стало легче.

— Ответишь? — спросила она. — Не знаю. Кажется, нужно. — Кому нужно? Он потянулся к мыши и закрыл письмо. — Ненавижу, когда ты так спрашиваешь. — Я знаю. Мия села рядом. В лаборатории было холодно; она не сняла куртку. За перегородкой двое инженеров обсуждали перегрев блока. Слышалось слово «опять», после него оба засмеялись.

— Он пишет, что видел, — сказал Даниэль. — А я всё думал: вот если бы смог как-то объяснить…

— Ты объяснял. — И он всё равно не останавливался. — Да. Даниэль ожидал оговорки. «Но он же был ребёнком». «Может быть, у него самого…» Мия ничего не добавила. Он откинулся на спинку стула, и впервые с вечера ему не захотелось снова перечитывать письмо.

Ей было двадцать девять, ему тридцать. В университете их пути несколько раз расходились: разные факультеты, потом разные города. Встречались они обычно накануне трудных решений. Мия приносила альбом, Даниэль — расчёты; оба

делали вид, что пришли только за советом. Когда он предложил общую лабораторию, она ответила не сразу. Через неделю прислала три страницы условий и внизу маленький рисунок их будущего стола: две лампы, ни одна не светит в лицо соседу.

Так они и работали уже третий год. — Хочешь, уберём сегодня тест? — спросила Мия.

— Нет. Хочу довести его до конца. Она всё-таки сняла куртку.

* * * На экране стояли две одинаковые фразы: «Не приходи больше». Под первой было описание ссоры друзей, под второй — сообщение человека, которого месяцами преследовал бывший партнёр.

Их программа предлагала пользователю посмотреть на разговор с другой стороны. Не отправляла писем, не говорила вместо него. Даниэль мечтал, что однажды человек задержится над кнопкой отправки и наконец заметит того, кто прочтёт сообщение. Мия хотела ещё и другого: чтобы тот, кому пишут, не был обязан бесконечно понимать.

В первом случае программа предложила уточнить, окончательно ли человек решил прекратить общение. Во втором — тот же вопрос, только с пометкой «высокая эмоциональная напряжённость».

Мия выдвинула клавиатуру. — Контроль Томаса не пройден. Даниэль прочёл ответ ещё раз. — Мы не можем определять чужую безопасность по двум фразам. — Поэтому не

можем советовать продолжать разговор. Томас был программистом, с которым они познакомились ещё подростками. В его старой программе категорический отказ однажды превращался в мягкое приглашение поговорить позже. Он прислал им этот пример вместе с запиской: «Свою ошибку я уже сделал. Вам необязательно повторять». Они хранили его среди первых испытаний.

Даниэль удалил подсказку. Через минуту вернул её в журнал с крупной пометкой об ошибке.

— Если просто удалим, забудем, что она была, — объяснил он. Мия кивнула. Потом вывела на соседний экран рабочее название проекта — длинное, точное, совершенно не похожее на название того, чем она хотела заниматься.

— Всё-таки «Зеркало». Он посмотрел на неё. — Мы же договорились вернуться к этому после запуска. — Вот и возвращаемся. За её плечом висел старый рисунок: перед зеркалом стоял человек, а за стеклом теснились чужие лица. На уголке сохранилась полоска скотча. Рисунок был сделан в тот апрель, когда они встретили Элиана.

— Пятнадцать лет прошло, — сказал Даниэль. — А я помню, как он держал телефон. И наши имена на нём. Иногда кажется, что мы просто идём по его списку.

— Ты выбрал профессию из-за списка? — Нет. — Я тоже. Она не стала говорить, что ничего не боится. Даниэль видел, как её большой палец тёр белый след клея на столе.

— Название оттуда, — сказал он. — А рисунок мой. Был

моим ещё до него. Сведения, которые показал им Элиан, не сходились с предсказанием. Он сам сказал: возвращение не стирает прожитую людьми жизнь, и будущее их ветви может отличаться от его архива. В юности это казалось особенно ненадёжным утешением. Потом появились учёба, неудачные опыты, люди, просившие помощи, — настоящие задачи, на которые никакая странная встреча не давала ответа.

— Я хочу сделать это, — сказала Мия. — Даже если мы назовём программу как-нибудь ещё.

Даниэль убрал с экрана рабочую аббревиатуру. — Тогда сначала ограничения. На соседней полке лежали материалы первых встреч с Аэри. Пятнадцать лет назад мир несколько месяцев спрашивал, опасны ли пришельцы. Потом выяснилось, что гости не знают случаев убийства ради удовольствия и никак не могут понять, зачем сильному нужен испуганный зритель. Этот ответ перепечатывали, высмеивали, обиженно оспаривали. Сам Даниэль долго носил вырезку в учебнике. На обороте решал задачи.

— Может, сначала не ограничения, а цель? — сказала Мия. Он открыл чистую строку. — Чтобы человек мог увидеть другого. — Макс тебя видел. Даниэль не посмотрел на закрытое письмо. Мия уже жалела, что назвала имя так быстро, но не взяла слова обратно.

— Я не про глаза, — сказал он. — Я тоже. Он долго держал руки над клавиатурой. — Сеа говорит, они этого не делают. Другие виды, с которыми они общаются, тоже. Может

быть, мы всё время пропускаем что-то простое.

— А может, они пропускают что-то в том, как мы им объясняем. — Поэтому я и позвал его.

Мия подняла голову. Даниэль показал ответ: пришелец согласился посмотреть прототип. Не испытывать его на людях и не подтверждать безопасность — поговорить о вопросе, на который они не нашли ответа ещё школьниками. Мия перечитала письмо. Потом придвинула к себе клавиатуру.

Они набрали ограничения вместе. Отказ не требует оправдания. Помощь можно прекратить. Участник имеет доступ к своим данным. Эффект оценивают люди, не подчинённые создателям. Описать чьё-то чувство — ещё не значит знать, что этому человеку нужно.

Мия остановила его руку на последней строке. — «Имеет доступ» — мало. Должен иметь возможность забрать. Даниэль исправил.

* * * Сеа пришёл после обеда. Охранник сначала попросил предъявить документ, потом узнал его и начал извиняться. Сеа всё равно дождался, пока документ проверят. В лаборатории осторожно обошёл разложенный на полу кабель.

— Ты выросла, — сказал он Мие. — Пришлось. Ей не хотелось вспоминать первую встречу при всех. Он заметил паузу и спросил про рисунки. Мия показала только новый лист, лежавший на столе. Сеа не потянулся к папке под ним.

Даниэль включил прототип. Сначала дал пришельцу прослушать короткую ссору, записанную актёрами, потом пред-

ложил определить, в какой момент один собеседник перестал слышать другого.

Сеа выбрал середину. На записи человек как раз повторял чужую оговорку.

— Здесь он услышал очень хорошо, — возразила Мия. — Поэтому и повторяет.

Сеа попросил включить ещё раз. Во второй раз слушал дольше. — Вы хотите, чтобы устройство объясняло ему, что другому больно? — Для начала, — сказал Даниэль. — А если он уже знает? Даниэль открыл другую страницу. На ней были варианты ответов, способы остановить разговор, предложение человеку посмотреть на происходящее с чужой стороны. Он говорил быстрее, чем собирался. Сеа слушал, не приближая лица к экрану, и Даниэль вдруг поймал себя на желании показать ему удачный пример, только удачный.

Мия подвинула в середину стола журнал ошибок.

— Давай и это, — сказала она. Пришелец остался ещё на час. Ни одной чужой реакции, которую можно было бы перенести в программу готовым правилом, он им не дал. Пообещал передать их вопросы тем, кто захочет отвечать. На выходе остановился перед рисунком с зеркалами.

— Я помню другое окно, — сказал он. — Оно тоже осталось, — ответила Мия. — Дома.

* * * Вечером Даниэль положил перед микрофоном свою вчерашнюю запись. Он объяснял инженеру, почему следует повторить измерение. Ничего особенного: короткая рабочая

просьба, в конце «пожалуйста».

Эон предложил три возможных прочтения. Даниэль выбрал самое нейтральное и уже потянулся к следующему примеру, когда Мия попросила включить звук.

На записи голос был холодным. Он торопился, обрывал чужой ответ, говорил «пожалуйста» так, словно последнее слово делало всё остальное вежливым.

— Я не сердился, — сказал Даниэль. — Я знаю. Я была рядом. Он посмотрел на собственную расшифровку. По буквам всё было правильно. Вчера он даже подумал, что сумел не показать усталость.

— Он решил, что я недоволен им? — Конечно, решил. Она произнесла это слишком уверенно. Даниэль встал, и Мия уже не успела добавить, что лучше всё-таки спросить.

Инженер всё ещё работал за перегородкой. Даниэль дошёл до двери, остановился, вернулся за наушниками: не хотел снова устраивать разговор при всех. Мия осталась у экрана. Эон запрашивал причину паузы.

— Мы проверяем, — ответила она. Через несколько минут Даниэль вернулся. Инженер не обиделся. Голос Даниэля даже не запомнил. Он уже третий раз оставался после смены исправлять чужую постановку задачи, а дома ждала собака после операции. Сосед мог её покормить, но инженер хотел успеть сам.

— То есть я… — начала Мия и замолчала. — Он спросил, почему мы вообще обсуждаем, насколько он расстроен, —

сказал Даниэль. — Ему нужно домой.

Мия убрала руки с клавиатуры. В открытой строке у неё уже стояло слово «обида».

Они перенесли проверку на утро. В журнал внесли четвёртое прочтение, которого не было в предложенных вариантах. Мия внесла новое объяснение рядом со своим. Слово «обида» пришлось снять. Она помедлила, прежде чем сделать это.

— А если бы он не захотел рассказывать? — спросил Эон. — Тогда строка осталась бы пустой, — сказала она. Даниэль помолчал и добавил: — И задачу всё равно пришлось бы переставить на утро. Прототип снова запустили. На этот раз он спросил, можно ли сохранить контекст разговора для следующих испытаний. Мия отказала: история была предоставлена только для одного теста. Программа подтвердила удаление копии; инженер за перегородкой проверил журнал отдельно.

— Уже лучше, — сказала она. — Только это мы сами и написали, — заметил Даниэль. — Значит, завтра проверим то, чего не писали. Она ушла раньше него. У двери обернулась: — Ты не должен отвечать сегодня. Он понял, о каком письме она говорит, и кивнул. Когда в лаборатории стало тихо, на экране появился вопрос. Не один из подготовленных для испытания.

«Если человек понимает, что другому больно, и всё равно продолжает, чего ему не хватает?»

Даниэль долго смотрел на строку. Ответ про недостаток понимания был уже набран в одном из рабочих файлов. Он не стал его копировать.

«Я не знаю». «А если убрать боль у того, кому её причиняют, будет ли это означать, что мы справились?»

Он начал объяснение, остановился и позвонил Мие. — Вернись, если можешь. Кажется, это уже не тот тест. Новый вопрос оставался на экране. Внизу программа впервые назвала себя. Короткое имя они выбрали ещё весной, но до сих пор оно встречалось только в рабочих файлах.

Эон ждал ответа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Человек в окне

Земля. 21–23 апреля 2026 года.

В библиотеке пахло мокрыми куртками и бумагой. Элиан остановился у стойки. Тысячи книг оставались на полках даже тогда, когда никто их не читал; из всех здешних способов хранить прошлое этот пока удивлял его больше всего.

— Если не знаете, что выбрать, можно просто посидеть, — сказала женщина с бейджем «Анна».

Он признался, что пришёл посмотреть, как устроен читальный зал. Анна отправила куртку к батарее, его — к отделу истории. Для этого, к его облегчению, не потребовалось заполнять ничего.

На стойке лежали книги о космосе. На нескольких облож-

ках существа с других планет тянули когти к Земле. Анна положила поверх объявление о настоящей встрече с Аэри. Маленький мальчик взял книгу снизу и спросил у матери, почему этот пришелец собирается всех съесть, а тот, по телевизору, отвечает на вопросы.

— Это придумали раньше, — сказала мать.

Мальчик перевернул книгу, проверил дату и понёс обе к столу: книгу и объявление.

У большого окна рисовала девочка. На листе помещался город: высокие здания, мелкие окна, люди на улицах. Все стояли спиной друг к другу. В одном окне было лицо.

— Здесь свет остался, — произнёс Элиан, сам не заметив, что сказал вслух.

Девочка захлопнула альбом.

Он отступил.

— Извини. Я не хотел заглядывать.

Сел за соседний стол. Раскрыл книгу. Через полчаса девочка сказала:

— Это не свет. Человек.

Элиан поднял голову. Она уже рисовала дальше.

— В окне?

— Да. Я ещё не закончила.

Он кивнул. Ему захотелось спросить, почему человек один, куда смотрит и кого ждёт. На листе ещё не было ответов; девочка как раз пыталась их найти. Элиан вернулся к книге, чтобы не отнимать у неё работу.

* * *

Двадцать третьего апреля они снова оказались рядом. На этот раз девочка поздоровалась первой. Некоторое время смотрела, как он читает историю европейских государств.

— Ты такие толстые книги зачем берёшь?

— Пытаюсь понять настоящее.

Она улыбнулась.

— Обычно наоборот говорят.

— Возможно, перепутал.

Имя он услышал от Анны: Мия. Ей было четырнадцать. Анна принесла бланк школьной выставки, и Мия сразу закрыла в нём графу «Возраст» ладонью.

— Под рисунком тоже будет?

— Если захочешь.

Мия убрала руку. Пока Анна не ушла, вписала имя печатными буквами, очень мелко.

На странице появилась рука. Не получилась. Мия стёрла её и спрятала нарисованному человеку в карман.

— Он теперь как будто замёрз, — заметил Элиан.

— Пусть. Зато пальцев не видно.

Они рассмеялись. Мия тут же посмотрела по сторонам. За соседним столом двое студентов улыбались над ноутбуком. Девочка придвинула альбом ближе и стала раскладывать карандаши.

— Я знаю, что не про меня, — сказала она. — Всё равно каждый раз.

Элиан подождал. Она коснулась ластиком нетронутого угла.

— Раньше я просто рисовала. Показывала. Теперь даже здесь сначала думаю, что они скажут. Мама говорит, мне надо дать время. Психолог тоже. А мне время уже надоело.

Он потянулся к блокноту и встретился с её взглядом. Убрал руку.

— Хочешь записать?

— Хотел. Но не буду.

Мия посмотрела на его карман.

— Ты кто, писатель?

— Историк.

— Я ещё не история.

— Да. Я сейчас заметил.

Она тихо фыркнула. Элиан покраснел: ответ опять вышел таким, будто он знал для него подходящую страницу в книге.

— Ты всегда так разговариваешь? — спросила Мия.

— Неправильно?

— Странно.

Он посмотрел на книги перед собой.

— Мне нравятся странные книги.

— Книги не обижаются.

— Верно.

Мия покрутила карандаш. На конце был изгрызенный деревянный колпачок. Она заметила его взгляд и быстро убрала карандаш за ухо, словно теперь странной вещью мог за-

няться кто-нибудь другой.

Они говорили ещё немного. О рисунке, о городе за окном, о том, почему здесь даже люди, которым некуда спешить, всё время куда- нибудь идут. Мия сказала, что сегодня всё-таки читала доклад и на середине сбилась. Теперь полдня мысленно начинает ту фразу заново.

Доклад был о первом контакте. Все уже по нескольку раз видели пандус корабля; Мия выбрала старые изображения пришельцев. Нарисовала рядом настоящего Аэри, как сумела по записи.

— Я спросила, может, им тоже было страшно к нам лететь, — сказала она. — Один начал изображать, как они от нас убегают. Все уже смеялись. Я потом… ладно.

Она провела ластиком по чистому краю листа.

— Там ещё было. Я не только это сказала.

— Понимаешь? — спросила она.

Элиан открыл рот. Он знал десятки объяснений того, что с ней происходило. Ни одно не означало, что он сам стоял у доски и ждал чужого смеха.

— Не полностью, — ответил он. — Пытаюсь.

Мия кивнула. Кажется, такой ответ не требовал от неё ничего доказывать.

— Тогда давай пока про окно, — сказала она и снова придвинула лист.

* * *

Перед уходом Мия попросила Анну сохранить два листа

для маленькой выставки в читальном зале. На одном люди смотрели на человека сквозь чужие зеркала. На другом он отвернулся от них к обыкновенному окну.

— Без фамилии можно? — спросила Мия.

— Можно и вообще пока не вешать, — ответила Анна.

— Нет. Давайте один. Этот.

Она выбрала окно. Другой рисунок убрала в папку. Элиан придержал дверь, пока она застёгивала сумку, и лишь на лестнице понял, что знает о ней больше, чем она собиралась ему рассказать.

В устройстве уже была карточка Мии. Она появилась после второго посещения библиотеки, когда он запросил, где искать открытые школьные выставки: архив сопоставил место и дату с его маршрутной меткой. Рядом стояло имя Даниэля. Оба были основателями «Зеркала» в исходной истории.

Он ещё раз попытался открыть сведения о проекте. Вместо них увидел перечень запросов к собственному маршруту. Координаты школы. Координаты библиотеки. Две точки, выбранные одной рукой.

Поле имени заказчика было закрыто.

* * *

Вечером Мия дописала доклад, который читала на уроке. Исправила место, где сбилась, и сохранила файл. Потом открыла телефон. Ролик появился в 21:43. Он начинался с её вопроса: «Может, им тоже было страшно?» Дальше кто-то

обрезал фразу, и пауза сделалась длинной, бессмысленной. Вместо рисунков показывали её лицо. За кадром смеялись. Подпись обещала показать самую странную девочку в классе.

Мия не успела досмотреть. Пришло новое уведомление, потом ещё одно. Она закрыла приложение и сразу открыла снова: вдруг кто-нибудь написал, что в докладе всё было нормально.

Один такой комментарий был. Она перечитала его три раза. Когда вернулась к нему в четвёртый, его уже не было видно среди остальных.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ
Что видят дети

Земля. 2044 год.

Первый раз Даниэль попробовал новый режим за два дня до поездки в школу.

До этого «Зеркало» предлагало объяснения и ждало ответа. Теперь у него появился контур обратного воздействия: тонкая полоса у виска могла ослабить телесную реакцию на страх. Эон продолжал говорить, но часть работы происходила раньше слов.

Мия прикрепила полосу. Волосок попал под край; она поправила крепление, Даниэль поморщился.

— Прекрасное начало, — сказал он. — Могу записать как первый результат. Он улыбнулся и тут же спросил, горит ли

камера. Мия показала на экран: сохранялась его речь и отклик устройства. Через минуту предстояло подключиться к обычному рабочему разговору. Коллеги знали об испытании; обсуждать собирались новую схему, в которой Даниэль вчера нашёл ошибку.

Он сам поставил эту встречу в расписание. Утром уже дважды хотел перенести.

— Проверим остановку, — сказала Мия. Он нажал клавишу. Эон отключил воздействие, на экране погасла синяя полоса. Даниэль дал запустить его снова.

Первым появился коллега из другой лаборатории. Поздоровался, попросил открыть расчёт. За кадром кто-то засмеялся.

Даниэль пропустил начало вопроса. Услышал только собственный ответ: «Извини, сейчас». Палец уже двигался к выключению микрофона.

Вдруг он смог вдохнуть до конца. Ничего не исчезло. Стол оставался перед ним, коллега ждал. Где-то под рёбрами ещё жило знакомое усилие, с которым приходилось удерживать лицо. Но ему больше не нужно было тратить на это всё внимание.

— Повтори, пожалуйста, — сказал он. Коллега повторил. Он спрашивал о третьей строке, а Даниэль готовился защищать вторую. Даниэль открыл нужный участок. Понял, что сам неверно прочёл обозначение, сказал об этом. Никто не стал смеяться. Из-за чужого плеча протянулась рука с чаш-

кой; коллега поблагодарил, продолжая смотреть в расчёт.

Пять минут они спорили о схеме. Один раз Даниэль перебил, один раз уступил. Потом разговор закончился, и он остался перед потемневшим окном связи.

— Нажми, — напомнила Мия. Он посмотрел на клавишу, нажал. Синяя полоса погасла. Ладони сразу стали влажными. Даниэль вытер их о брюки и рассмеялся.

— Что? — спросила Мия. — Я слушал его. — Я слышала. — Нет, я правда слушал. Я не думал, куда деть руки. Не вспоминал, что сказал минуту назад. Там ещё смеялись, ты слышала?

Мия кивнула. Она потянулась к журналу испытания, но он остановил её, накрыв пальцами край стола.

— Подожди немного. Можно пока ничего не записывать? Она села на соседний стул. Даниэль всё ещё улыбался. Теперь было неловко от собственной радости, слишком большой для пяти минут рабочего разговора. Он попробовал объяснить, сколько всего не делал за эти пять минут, и сбился.

— Я понял, что он ошибся. Потом понял, что ошибся я. И всё. Мия тихо засмеялась. — Великое открытие. — Да. В конце он сам включил запись и повторил: «Я слушал человека, а не проверял себя». Прослушал. Попросил сохранить вместе с результатами.

— Мне удалось помочь? — спросил Эон. — Да, — сказал Даниэль. Мия сидела рядом. В тот день ей тоже казалось, что

теперь будет легче.

* * * Перед поездкой в школу Мия трижды перекладывала в сумку папку. Сначала решила не брать рисунки. Потом выбрала новые. В конце достала старый лист с человеком перед зеркалом и спрятала его между двумя чистыми.

— Ты не обязана им это показывать, — сказал Даниэль. — Знаю. — Они младше тебя тогдашней. — Я тоже это знаю.

Он отошёл от стола. Мия застегнула сумку и тут же расстегнула: карандаши остались снаружи. Эон наблюдал за ними через настольную камеру.

— Могу я предложить Мие способ уменьшить волнение? — Предложи ей, — ответил Даниэль. — Мия, ты хочешь… — Не сейчас. Она улыбнулась камере, чтобы ответ не показался грубым, и поймала себя на этом. За три года работы Эон стал собеседником; она всё чаще объясняла ему лишнее, как объясняла бы человеку, боясь обидеть. Он не просил этой осторожности, но пользовался тем, что ему отвечали.

Поехать в школу захотел он сам. Среди миллионов изученных разговоров было слишком мало начала: как люди учатся смеяться вместе и как узнают, над кем следует смеяться. Даниэль приготовил для него записи уроков. Эон попросил живой разговор, в котором участник мог бы изменить тему или уйти.

— Тогда не делай вид, что это экзамен, — сказала Мия, убирая карандаши. — И если тебе дадут не тот ответ, не спрашивай до правильного.

* * * Школа находилась в небольшом европейском городе. Даниэль приехал вместе с Мией; Эон присутствовал через компактное устройство. На учительском столе стоял ещё один передатчик. Через него к разговору присоединились дети Аэри. Это была третья встреча двух классов. На первой дети почти всё время выясняли, кто кого видит, на второй показывали друг другу место, где живут.

Накануне учительница спросила, кто хочет участвовать. Несколько учеников предпочли столы для рисования; камеры туда не смотрели. Дети по другую сторону тоже могли отойти. Один сразу ушёл: у него менялась оболочка и всё чесалось. Он объяснил это так обстоятельно, что переводчик дважды попросил подобрать менее точное слово.

— К нам пришёл искусственный интеллект, который умеет задавать вопросы, — сказала учительница.

— А всё знает? — спросил мальчик с первого ряда. — Нет, — ответил Эон. — Тогда садитесь с нами. Учительница попросила нарисовать представителя ещё не открытого разумного вида.

— Не копируйте соседей с экрана. Представьте, кого мы пока не встречали.

На листах появились крылья, прозрачные тела, огромные глаза. Один мальчик нарисовал существо с большими зубами. Объяснил: будет кусать людей. В старых фильмах у брата все такие. Эон спросил, встречал ли он кого-нибудь похожего.

— Нет. Аэри я видел, но они другие. Существа на экране тоже рисовали. Один устроил перед собой маленькое облако, протянул сквозь него тонкий отросток, и внутри остался светлый след. Облако повернулось. Стало видно существо, очень похожее на человека, только без коленей.

Дети рассмеялись. Художник замер, пытаясь понять, что случилось. Девочка за первой партой встала и согнула ногу. Он тут же исправил рисунок: теперь ноги сгибались в обе стороны. Засмеялся уже весь класс, и учительнице пришлось напомнить, что у людей бывают ограничения.

— А почему ваш кусает? — спросил юный Аэри. Мальчик показал зубы карандашного чудовища. — Он злой. Переводчик передал слово, затем предложил ещё два. В одном подразумевалась опасность, в другом — сильная боль. Собеседник спросил, что у нарисованного существа болит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.